

В течение последних ста пятидесяти лет геологи ряда стран пытались найти ответ на загадку «исчезнувшего времени» из истории нашей Земли. В некоторых местах нашей планеты геологическая летопись проваливается на целый миллиард (!) лет, и это явление получило в научной среде название «Великое несогласие». Этот геологический термин описывает некий наблюдающийся в истории горных пород «вакуум». Чем дальше опускаешься в земельную глубину, тем больше там встречаются старые отложения, однако в 1869 году геолог Джон Пауэлл, путешествуя в США по Большому каньону, обнаружил, что в местных породах отсутствует слой геологической летописи продолжительностью ни много ни мало в миллиард лет, непосредственно предшествующий тому периоду, когда на планете начала бурно расцветать жизнь во всём многообразии животных и растительных видов. И скоро коллеги Пауэлла выяснили, что данный феномен не ограничивается одним только юго-западом Северной Америки. В общей сложности на поверхности суши не хватает порядка десяти миллиардов кубических километров пород! Они — просто исчезли. Это целая четверть истории планеты, и для многих поколений учёных было делом чести выяснить, что произошло в те далёкие времена с этими исчезнувшими слоями...

Нечто подобное произошло и с историей нашей русской литературы, из которой по какой-то неведомой причине выпал довольно объёмный содержательный слой, который охватывает 1980–1990 годы. Годы эти оказались оставленными писателями практически без внимания, хотя романистам более поздних лет следовало бы, по примеру учёных-геологов, оглянуться на них и заняться изучением этого провалившегося в безмолвие исторического слоя. Однако этого не произошло, и они, перешагнув через это десятилетие, взялись описывать либо то, что происходило за много лет до 1980 года, либо то, что начало проявлять себя после 1990-го. И только Юрий Поляков, нашумевший в начале 1980-х годов своими повестями «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба», в 2019 году опять возвратился в памятный для него 1983 год, воплотив свои воспоминания об этой

поре в романе «Весёлая жизнь, или Секс в СССР» с подзаголовком «Хроника тех этих лет».

Юрий Поляков — один из самых ярких писателей нашего времени. Когда-то я с восторгом прочитал его роман «Козлёнок в молоке», а также романы «Замыслил я побег», «Небо падших» и «Грибной царь», книги публицистики «По ту сторону вдохновения» и «Желание быть русским», сборники интервью «Государственная недостаточность» и «Созидательный реванш», ну и многое другое. От книги к книге Поляков всё блистательнее овладевал литературным мастерством; в молодости он был довольно неплохим поэтом, и эта его не обрывающаяся дружба с поэзией то и дело проявляет себя в его творчестве и сегодня, озаряя метафорическим светом страницы его искромётной, радующей читателей прозы. Так было во всех упомянутых выше (и не упомянутых здесь тоже) его книгах, и яркие признаки этого улыбочивого стиля я увидел в его новом романе о писательской жизни и сексе в Советском Союзе.

Поляковская проза течёт, как спокойная прозрачная река, на глади которой то и дело всплывают весело сверкающими плотвицами взбадривающие читательское внимание остроумные литературные образы. Это же предстало и в новом романе Юрия Полякова, где мимоходом описывается окружающая главного героя (сто процентов похожего на автора романа) золотая поэтическая пора, в которой удивительным образом соединяется лирическое настроение автора-героя с его ироническим восприятием мира: «На улице стояла тихая рябиновая осень. Самый конец сентября. Природа всей своей ясной остывающей гармонией укоряла меня за похмельную гнусность. Из оврага тянуло грибной прельюю. Подняв капот ржавой „Победы“, сосед склонился над прокопчённым кишечником внутреннего сгорания...»

Основная черта прозы Юрия Полякова заключается, на мой взгляд, в соединении постоянно вышучиваемого им социалистического быта (включая активно присутствующие в нём алкогольную и интимную стороны жизни) с откровенным сожалением о потере того общественно-политического строя, который в течение семи десятилетий торжествовал в нашей стране, способствуя

расцвету великой русской литературы и культуры. В отличие от многих своих коллег по творчеству, Юрий Михайлович Поляков никогда не скрывал (и не скрывает) своих гражданских позиций, высвечивая перед читателями откровенные симпатии к установившемуся в нашей стране после Октябрьской революции социалистическому строю. Сатирический ключ и гражданственная правда являются одними из главных качеств неповторимой прозы Юрия Полякова, который в своём новом романе «Весёлая жизнь...», в частности, так говорит, размышляя об этом: «Писательской правдой можно отравить читателя до смерти. Прости, прости меня, безвременно погибший великий Советский Союз! В твоём раздробленном на куски теле есть капля и моего литературного яда. Но тогда, утром 27 сентября 1983 года, изучая в зеркале своё опухшее лицо, я ни о чём таком не подозревал и даже придумал ещё один разительный аргумент, чтобы бросить его в лицо запретителям при новой встрече: „Правда лечит, а ложь калечит!“ Сильно, да?..»

Правда действительно оказала немалое воздействие на сознание нашего общества (вспомним хотя бы о роли в судьбе СССР книги такого писателя, как Александр Солженицын!), хотя эта правда и привела нашу страну не столько к очищению и улучшению, сколько к катастрофическому разрушению, что мы и увидели в результате прокатившейся по стране разухабистой перестройки.

Книги Юрия Полякова читаются легко и с улыбкой, они напоминают собой череду объёмистых весёлых анекдотов, но сквозь рассыпанные по всем текстам сатирические пассажи проглядывают тревожные предвидения грозящих нам впереди социальных катаклизмов. Смех 1983 года уже нёс в себе потрясения приближающихся вместе с завтрашним днём общественных перемен. «Через три-четыре года всё в литературе переменится до неузнаваемости,—предупреждает нас устами своего героя Георгия Полуякова писатель Юрий Поляков.—Всевозможные нечистоты и фекальные отбросы жизни станут главными темами изящной некогда словесности. Мат-перемат из подворотен и пивных могучим потоком возмутит чистые воды советской литературы. Бомжи, извращенцы, наркоманы, урки, душегубы, психи заполняют повести и рассказы. Горемыки, запутавшиеся в половой и национальной самоидентификации, густо заселят киноэкран, телевизор и сцену. Безутешный еврей-отказник, сидящий на чемодане и клянущийся „красный Египет“ в ожидании разрешения на выезд, станет главным страдальцем отечественной литературы... Зато про космонавтов, пахарей, разведчиков, строителей ВАМа и даже про пионеров-героев перестанут писать вовсе, разве что с постмодернистской подковыркой...»

Поляков тоже не избегает использования постмодернистских и других подковырок, но за ними у него частично проглядывает тоска о потерянном социализме и утрате тех культурных достижений, которыми гордилась наша страна до наступления перестройки. Литература—это одна из тех высочайших ценностей, которая, с одной стороны, привлекала к себе внимание всего культурного человечества, а с другой—поднимала жизнь советских писателей на тот бытовой уровень, о котором могли только мечтать все остальные люди. Гонорары, квартиры, творческие путёвки для работы над своими книгами и отдых в Домах творчества—сегодня всё это исчезло практически без следа, а в 1980-е годы было реальностью жизни писателей Советского Союза. «Интересно,—думал герой романа Юрия Полякова Полуяков,—почему Сталин (а без него в ту пору ничего не делалось) хотел, чтобы советские писатели жили и творили в хоромах, похожих на классическое дворянское гнездо? Ностальгия по жизни, им же разрушенной? Вряд ли... Или же вождь полагал писателей своего рода новым, социалистическим дворянством? Не зря гениальный псих Хлебников придумал словечко „творяне“».

Сталин и без помощи Хлебникова понимал, что писатели должны жить хорошо, иначе описывать советскую жизнь они начнут в первую очередь с описания своего убогого существования. И если они будут зарабатывать сущие копейки, то избражаемое ими государство будет вместо воспевания цветущего социализма показывать миру край нищеты и бесправия. Что и делали в своих книгах Евгений Замятин, Александр Солженицын, Владимир Войнович и ряд других откровенно несветских по духу писателей.

В первый же послевоенный год министр финансов Советского Союза Арсений Григорьевич Зверев, обеспокоенный высокими гонорарами некоторых крупных писателей, подготовил соответствующую докладную записку и представил её Иосифу Виссарионовичу Сталину. Тот попросил пригласить к себе Зверева для разговора. Когда тот вошёл к нему в кабинет, Сталин, не предлагая ему сесть, спросил его: «Стало быть, получается, что у нас есть писатели-миллионеры? Ужасно звучит, товарищ Зверев? Миллионеры-писатели!»—«Ужасно, товарищ Сталин, ужасно»,—подтвердил министр. Сталин протянул финансисту папку с подготовленной им запиской: «Ужасно, товарищ Зверев, что у нас так мало писателей-миллионеров! Писатели—это память нации. А что они напишут, если будут жить впроголодь?..»

Юрий Поляков в своём романе «Весёлая жизнь, или Секс в СССР» с великолепным юмором обрисовывает фигуры ряда известных советских писателей восьмидесятых годов, в которых, несмотря на скрываемые под сатирическими масками-

псевдонимами их подлинные имена, легко угадываются такие авторы, как Владимир Солоухин (он же Ковригин), Феликс Кузнецов (Сухонин), Николай Дорошенко (Торможенко), Юрий Доброскокин (Доброскоков), Феликс Чуев (Чунин), Анатолий Передреев (Перебреев), Владимир Шлёнский (Шлионский) и многие другие писатели, включая самого Юрия Полякова (Полуякова). Называя свой роман «ретророманом», Поляков не просто имеет в виду, что он посвящён прошлой эпохе, но ещё и сам роман создаёт такое впечатление, будто я его уже однажды читал, и теперь писатель его заново пересказывает, хотя хуже он от этого не становится, потому что Поляков как раз и пытается вернуть нам утраченные годы и утраченную атмосферу.

Но правда остаётся правдой, как бы её ни выворачивали и в какую сексуальность ни рядили...

Сегодняшние руководители нашего государства, к сожалению, смотрят на писателей России глазами министра Зверева, что и привело нынешних творцов литературы к положению чуть ли не бомжей. И только книги Юрия Полякова продолжают напоминать народу, какую роль мог играть в жизни страны настоящий писатель, слово которого иногда действовало сильнее всякого оружия. Даже если это слово вызывало у читателей не содрогание ужаса, а смех. Главное, чтобы за этим смехом присутствовала та настоящая правда, которая, как говорит Поляков, нас не только не калечит, но ещё и лечит...